

КУЛИКОВ ЛЕОНИД ВАСИЛЬЕВИЧ

*доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии
Санкт-Петербургского государственного университета,
leon-piter@mail.ru*

LEONID KULIKOV

D.Sc. (Psychology), Professor, Department of Social Psychology, St. Petersburg State University

ЮМКИНА ЕКАТЕРИНА АНАТОЛЬЕВНА

*кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры социальной психологии
Санкт-Петербургского государственного университета,
ekaterinayum@rambler.ru*

YEKATERINA YUMKINA

Cand.Sc. (Psychology), Senior Lecturer, Department of Social Psychology, St. Petersburg State University

УДК 316.621

**СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОМОЩИ ПОЖИЛЫМ
ЛЮДЯМ В СОХРАНЕНИИ АКТИВНОСТИ**

**SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF ASSISTANCE TO ELDERLY
IN TERMS OF PRESERVATION OF ACTIVITY**

Аннотация. Активность рассматривается как стержневая черта, определяющая успешность любого вида деятельности, поведения, преодоления тех или иных жизненных трудностей. Проведен анализ детерминант активности пожилых людей в России. С использованием данных анкетного опроса жителей Санкт-Петербурга охарактеризованы потребности старшего поколения в различных видах помощи и поддержки. Сделан вывод о необходимости переноса акцента с помощи в материальном обеспечении и услугах на развивающую помощь — в личностном развитии, изменении мировосприятия, мышления и образа жизни.

ABSTRACT. Activity is considered as a core feature that determines the success of any kind of activity, behavior, overcoming one or another life difficulties, loss and disappointment. The analysis of the determinants of elderly people in Russia is conducted. Using the questionnaire survey of residents of St. Petersburg, the needs of older people in various types of care and support are described. A conclusion was made that it is necessary to shift the emphasis from assistance in material security and services to developing assistance, e. g. assistance in personal development, in changing the worldview, the way of thinking, as well as lifestyle.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: развивающая психологическая помощь, активность пожилых людей, удовлетворенность жизнью, мотивация волонтерства.

KEYWORDS: developing psychological assistance, activities of the elderly, life satisfaction, volunteering motivation.

Актуальной задачей общественной жизни современной России является социальная и психологическая помощь пожилым людям, в том числе грамотная и научно обоснованная поддержка социальной активности этих слоев населения.

Подходы к пониманию активности пожилых людей. По мнению М. А. Михайловой, социальная активность есть сложный процесс, в ходе которого человек овладевает социокультурными ценностями, что возможно лишь в непосредственном и активном взаимодействии с окружающим миром. Причастность к культурным ценностям (их усвоению и воспроизводству) позволяет

говорить о социально-культурной активности [9]. М. А. Михайлова понимает социально-культурную активность как целенаправленную, многоплановую коммуникативную, интеллектуально насыщенную по содержанию и эмоционально привлекательную по форме деятельность, связанную с приобретением новых социальных компетенций, социально значимых качеств и ценностных ориентаций, с самореализацией и самосовершенствованием личности [9]. К отличительным чертам социально-культурной активности следует отнести следующие: добровольность, инициативность, нравственную мотивированность,

преобразующий, творческий характер, обусловленность жизненным опытом личности. Развитие социально-культурной активности достигается разными способами:

- стимулированием участия в социальном творчестве и поэтапном включении субъекта с различным уровнем активности в полезную, социально значимую деятельность;
- формированием умений и навыков самостоятельного планирования своего досуга;
- вовлечением в интеллектуально насыщенное по содержанию и эмоционально привлекательное по форме общение со сверстниками;
- использованием возможностей культурно-досуговой деятельности в целях саморазвития;
- созданием благоприятных условий для реализации социальных инициатив [9].

Необходимо различать субъективные и объективные факторы, от которых зависит социально-культурная активность. К первым относятся личностные качества отдельного человека, уровень его образования, мотивация и жизненная позиция. Объективные факторы — это отношение общества к пожилым людям, совершенствование социального управления, согласование интересов и действий различных социальных институтов [11].

Трудности в поддержании социальной активности. Постпенсионный возраст одновременно определяется как период старения. О.И. Малинина говорит о том, что значительное изменение мировоззрения и социального окружения нарушает идентичность, смысло-жизненные ориентации пожилых людей, дестабилизирует их психическое состояние, снижает уровень социально-психологической адаптации. Между тем отмечается и плодотворность преклонного возраста. В этот период продолжается личностное развитие, благодаря чему активизируются компенсационные механизмы. У многих людей происходит становление интересов (в области интеллектуальной, художественной, общественной, религиозной деятельности) — они были объектом скрытых стремлений, но теперь для них появилось время [8].

Наличие таких интересов указывает на продуктивное решение основной жизненной задачи этого периода, которую Э. Эриксон обозначил как «целостность против отчаяния». На данном этапе происходит переосмысление прожитого пути и принятие его как неповторимого и единственно верного. В противном случае человек глубоко сожалеет и разочаровывается в своей жизни.

О.И. Малинина приводит данные сравнительного анализа различных личностных свойств социально активных и неактивных пожилых людей (см. табл. 1) [8].

Заметно, что различия в двух группах весьма ощутимые. Совершенно очевидно, что существует категория людей, нуждающихся в социальной и психологической поддержке. В то же время Д.А. Неваева обращает внимание на два аспекта проблемы, выступающие препятствием на пути интеграции пожилых людей в общественно полезную деятельность. Это, с одной стороны, сравнительно малое число центров, программ включения старшего поколения в активную деятельность. С другой стороны, сами пожилые люди имеют такие принципы и установки (например, страх изменений, неуверенность в себе и т. п.), которые вопреки их желаниям усугубляют отчуждение [11].

Социальная активность пожилых людей может проявляться в различных сферах. Ряд авторов выделяет четыре основные сферы [8; 11]:

- профессиональная занятость;
- внутрисемейное общение, а именно: супружеское, сиблинговое, с внуками и детьми;
- общение со сверстниками, которое может выражаться в самых разнообразных формах;
- общественная деятельность, принимающая различные формы: политическая активность, религиозная, участие в творческих коллективах, общественных движениях, культурных акциях.

Надо сказать, что в отношении трудовой активности положение пенсионеров неопределенное: многие из них ощущают потребность в работе по причине маленьких пенсий, но при этом из-за возрастной дискриминации испытывают трудности с устройством на работу по специальности и вынуждены заниматься непрофильным трудом.

Социокультурная активность пожилых людей характеризуется рядом особенностей. Жители регионов в исследовании Д.А. Неваевой отмечают следующие направления включения пожилых людей [11]:

- предоставление возможности бесплатного посещения кинотеатров, театров и концертных залов;
- организация вечеров отдыха или чаепитий;
- создание клубов по интересам.

А.А. Витохина рассматривает варианты развития социально-культурной активности пожилых людей путем организации досуговой и туристической деятельности [1]. Наличие свободного

Табл. 1

Социально активные люди	Социально неактивные люди
Высокая оценка себя	Низкая оценка себя
Личностные черты не преобладают над социальными Дифференцированность идентичности	Тенденция к преобладанию личностных характеристик над социальными Слабая дифференцированность идентичности Негативная идентичность
Большая удовлетворенность жизнью и настоящим	Меньшая удовлетворенность жизнью и настоящим
Тенденция позитивно оценивать себя в прошлом, настоящем и будущем. Живут настоящим	Негативный «я»-образ в настоящем и будущем Нежелание быть в настоящем

времени открывает перед ними возможности для путешествий, что, безусловно, не всегда соответствует материальной обеспеченности. Наибольшим спросом пользуются экскурсионные маршруты, оздоровительные туры, посещение пансионатов, лечебниц и курортов. Туры, разработанные специально для пенсионеров, — сравнительно недавнее новшество в российском туризме. Маршруты в таких случаях составляются с учетом потребностей и особенностей людей преклонного возраста, например: пребывание в спокойном месте, с включением развлекательной программы, особое питание и т. п. Витохина также акцентирует внимание на роли внутренней готовности и желания пожилого человека участвовать в программах досуговой деятельности, что является обязательным условием успеха.

Т. Ф. Сулова анализирует возможности социальной активности пожилого человека в семье, где происходит раскрытие супружеского, родительского и прародительского потенциалов. По данным сравнительного эмпирического исследования особенностей супружеских отношений, с возрастом увеличивается доля отрицательных оценок супругами друг друга, повышается конфликтность. Автор объясняет это снижением внутрисемейной деятельности, потерей семейных ролей, проявлением проблем, которые не были заметны в трудовом периоде. Сулова делает вывод, что одним из особых видов социальной активности в пожилом возрасте является построение стабильных и эмоционально значимых отношений, т. е. создание брачного союза (повторного или первого). Это содержит в себе потенциал для того, чтобы уйти от негативного отношения к себе, одинокого существования, повысить социальный статус [13].

Необходимо отметить, что социальная активность старшего поколения по своей форме не отличается от таковой у людей зрелого возраста. В силу возрастных проблем и индивидуального опыта она может быть недоступна значительному кругу лиц. К возрастным затруднениям относятся естественное снижение физической активности. В индивидуальном опыте важно его переосмысление и принятие. Основная сфера развития социальной активности для многих пожилых людей — трудовая деятельность. В этой области пенсионеры сталкиваются с возрастной дискриминацией, что обостряет чувство неполноценности и ведет к негативному разрешению жизненной задачи (по Э. Эриксону). Кроме того, важный ресурс социальной активности пожилого человека — это семья, в которой он может выступать не только в качестве воспитателя внуков, но и в роли полноценного партнера (переосмысление отношений в паре или создание нового брачного союза, если предыдущий партнер ушел из жизни или даже если его никогда не было). Свободное время открывает возможности для путешествия, творчества и активной общественной деятельности (участие в тех или иных формах в работе СМИ).

Обобщая выводы ряда исследователей, можно сделать такого рода заключения:

- Современная действительность отличается тенденцией к дискриминации людей старшего

возраста, и это может быть объяснено результатом трансляции европейских ценностей с ориентацией на динамичность, активность и устремленность в будущее.

- Эффективная политика социальной поддержки должна обеспечивать пожилому человеку ощущение себя полноценной и востребованной личностью, что складывается и из размера пенсии, компенсационных выплат, и из медицинского обслуживания, и из включенности в социально значимую деятельность, и из степени информированности о своих правах, возможностях и обязанностях.

- Возникают новые формы социальной поддержки, которые в целом идут в русле удовлетворения отмеченной выше потребности человека.

Исчезновение уважительного отношения к пожилым. Одной из современных тенденций, в том числе и в российском обществе, является усиление геронтофобной установки в массовом сознании. Г. М. Коновалова, обобщая ряд исследований, отмечает среди обуславливающих эту тенденцию факторов такие, как: «разрушение патриархального клана, распространение нуклеарной семьи, изменение характера труда в индустриальном обществе, обесценивание накопленного опыта старших поколений в результате ускорения темпов научно-технического прогресса, распространение негласной политики отстранения от работы пожилых людей» [4, с. 348–349]. Все это приводит к тому, что старшее поколение оказывается ненужным, отброшенным на обочину жизни. В разные эпохи отношение к пожилым людям было различным. В целом, эволюция идет от варварского отношения к цивилизованному. На заре человечества пожилых людей как слабых уничтожали, потому что они мешали выживанию. Особенно это было распространено в кочевых племенах. С возникновением оседлости и благодаря хозяйственному прогрессу стало меняться и отношение к пожилым людям. Так, в Древней Греции «среди привилегий старости решающей была присущая этому возрасту мудрость» [4]. У некоторых народов, например в Китае и Индии, старики обожествлялись. Представители старшего поколения рассматривались как носители ценного социального опыта. Старики «могли играть заметную роль в стабильных, организованных обществах с институализированной собственностью, тогда как в обществах, раздираемых противоречиями, верх брали молодые...» [4, с. 342] Если общество находится в периоде становления или переживает кризис, то это само по себе означает, что прежние модели существования оказались в чем-то неуспешными, следовательно, пожилым людям как носителям этого опыта стоит в большей степени довериться молодому поколению. Сделать это бывает не всегда легко, потому конфликт поколений неизбежен.

Вышесказанное обрисовывает поляризацию общественного сознания: от глубокого почтения и уважения пожилых людей до ненависти к ним и их отчуждению. Отмеченные полярные установки закреплены в культуре, и в этом аспекте обнаруживается связь с таким показателем, выделенным

Г. Хофстеде при анализе культур, как отношение ко времени: простое или сложное. Культуры с простым отношением ко времени (монокронные культуры в терминологии Льюиса) в большей степени ориентированы на будущее, в них зачастую можно встретить культ молодости. При сложном отношении ко времени (полихронные культуры), напротив, ценят прошлое в качестве источника важного для выживания опыта. В полихронных культурах — большой почет пожилым людям.

В рамках даже одной культуры происходит чередование тенденций либо в сторону *позитивного отношения* к пожилым людям (обожествление старшего поколения), что может быть индикатором относительной стабильности условий жизни, либо в сторону *негативного отношения* (пренебрежение и отвержение пожилых людей) в условиях очень резких или постоянных изменений (когда опыт старшего поколения не востребован, поскольку не соответствует изменившимся условиям). Обе тенденции при чрезмерной выраженности чреватые негативными последствиями. Так, слишком выраженная ориентация на старшее поколение может сопровождаться застоём, оттоком молодежи, снижением квалификации рабочей силы, а в более глобальной перспективе — вырождением. Напротив, ориентация на молодежь приводит к риску повторения ошибок, погоне за изменениями, усилению чувства тревоги и безысходности перед неизбежным старением, разобщенности поколений. Общее в этих противоположных тенденциях то, что они порождают *межпоколенный конфликт* (более скрытый в первом случае и более открытый к выражению во втором). Г. М. Коновалова выделяет следующие факторы, вызывающие межпоколенный конфликт: «обесценивание старости в глазах молодого поколения; передача собственности по наследству; поиск семейных ценностей, как духовных, так и материальных; вытеснение людей пожилого возраста на периферию социальной жизни; неприятие детьми ценностей и образа жизни родителей; увеличение социокультурной дистанции между молодым и пожилым возрастом» [4, с. 347]. Основу конфликта составляет нарушение в удовлетворении потребностей сторон. Следовательно, первым шагом на пути к его минимизации и снижению социальной напряженности может стать определение потребностей человека, находящегося в верхнем диапазоне зрелого возраста.

Группа пожилых людей по своему составу неоднородна. Есть здоровые социально активные люди, продолжающие работать. В то же время немалая часть пожилых людей — это группа риска, куда входят лица в возрасте 80–90 лет и старше; престарелые женщины, особенно одинокие и вдовы; изолированно живущие престарелые; одинокие люди; бездетные престарелые; престарелые, страдающие тяжелыми заболеваниями или физическими недостатками; престарелые, живущие на минимальное социальное пособие [2]. Именно данные категории являются объектом социальной поддержки, их потребности находятся в фокусе внимания социальной политики.

Такие проблемы старшего поколения, как потеря индивидуальности, обезличивание, закрепощенность, могут быть преодолены только в *групповой деятельности* — естественной форме взаимопомощи пожилых людей и их поддержки друг друга [10]. Создание условий для подобного рода деятельности является одной из приоритетных задач социальной политики.

Подведем некоторые итоги. Можно отметить, что социальная поддержка пожилых граждан нацелена на ряд общезначимых целей, предложенных Т. В. Макаренко [7]. Сгруппируем их по степени общности:

- 1) передача социальных ценностей,
- 2) осуществление интеграции и преемственности поколений,
- 3) снижение социальной напряженности в обществе,
- 4) снижение межэтнических противоречий,
- 5) укрепление авторитета государственной власти.

Примечательно, что хотя в нашем обществе существует тенденция дискриминации пожилых людей, наблюдается и встречное движение, в частности от представителей молодежи. Многие из них готовы участвовать и участвуют в благотворительной деятельности в отношении старшего поколения. По данным И. А. Логиновой, ими движут следующие мотивы: «желание помочь нуждающимся, улучшение качества жизни пожилых, есть и прагматизм — заработать, улучшить качество своей жизни, наличие свободного времени, желание отплатить добром за добро, сознание, что занимаешься социально полезным и одобряемым делом» [5, с. 246]. Молодежь, занимающаяся благотворительностью, исходя из прагматизма, наименее удовлетворена результатами своей деятельности и составляет число «случайных» людей, которым лучше порекомендовать найти иные формы заработка. Тем не менее обнадеживающим фактором является преобладание нравственных категорий в перечне мотивов.

Отношение к благотворительной помощи. Для дополнения картины социальной помощи пожилым людям используем полученные нами эмпирические данные. В декабре 2015 года — январе 2016 года нами был проведен анкетный опрос¹ петербуржцев пенсионного возраста (выборка 86 человек). Мы смогли уточнить отношение пожилых людей к работе волонтеров. Приведем фрагмент этой анкеты с соответствующим вопросом:

«Мое отношение к работе добровольца (человека, безвозмездно помогающего кому-либо) состоит в следующем (можно отметить несколько вариантов ответа):

1. Добровольчество необходимо из-за плохой работы социальных служб государства.
2. Добровольчество необходимо и при хорошей работе социальных служб государства.

¹ Благодарим за помощь в организации опроса А. К. Кляпина.

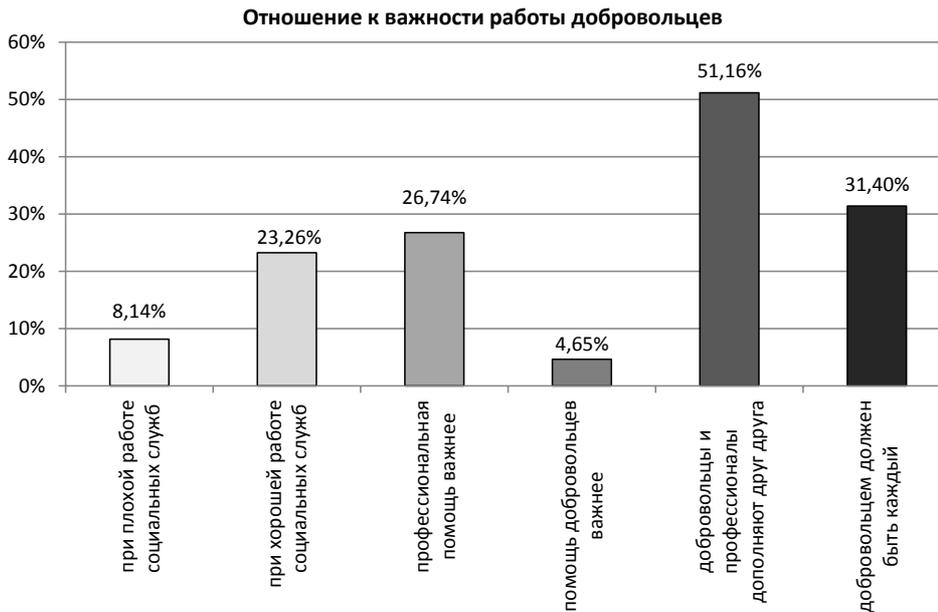

Диаграмма 1. Значение добровольчества (частота выбора вариантов продолжения суждения в процентах)

3. Профессиональная помощь (социальных работников, педагогов, психологов) важнее, чем помощь добровольцев.

4. Помощь добровольцев важнее, чем профессиональная помощь (социальных работников, педагогов, психологов).

5. Помощь добровольцев и профессиональная помощь (социальных работников, педагогов, психологов) дополняют друг друга.

6. Добровольчеством должен заниматься каждый (имеющий силы), потому что оно способствует сплочению общества и развитию личности гражданина».

Частота выборов ответов представлена на диаграмме 1.

Распределение выборов отчетливо показывает, что пожилые люди считают помощь добровольцев необходимой и полезной, но не заменяющей работу социальных служб. Респонденты в немалой своей части также положительно относятся к профессионалам. Здесь, в сравнении с данными двадцатилетней давности, заметно определенное изменение в восприятии труда людей помогающих профессий. Наиболее частотным оказался вариант, в котором помощь добровольцев и профессиональная помощь (социальных работников, педагогов, психологов) дополняют друг друга.

Выяснено, что многие представители старшего поколения предпочитают иметь трудовую занятость. В анкете был пункт, назначением которого было выяснить желание/нежелание пожилых людей работать. Он имел следующую формулировку и варианты ответа:

«Из приведенных ниже суждений мне подходит более всего (отметьте каким-либо значком его номер):

1. Я хочу работать полный рабочий день.
2. Я хочу работать неполный рабочий день.

3. Я не могу работать.
4. Я не хочу работать».

Результаты опроса по данному вопросу представлены на диаграмме 2.

Диаграмма 2. Желание работать, предпочитаемые варианты

Из диаграммы видно, что большинство пожилых людей хотели бы работать, но только немногие согласны на полный рабочий день. Чуть больше половины всех участвовавших в опросе предпочли бы неполный рабочий день, частичную трудовую занятость. Заметим, что эти результаты стоит психологически интерпретировать как обнадеживающие в плане оценке уровня общей активности пожилых людей. Но на практике встречных инициатив со стороны тех или иных государственных

или общественных институтов нет. В анкете были еще два вопроса, касавшихся мотивов трудовой занятости: «Работа ценна для меня тем, что дает возможность чаще общаться с людьми» и «Работа ценна для меня тем, что дает возможность заработать деньги». Положительный ответ на первый вопрос в варианте «вполне согласен» дали 39,5%, в варианте «скорее согласен» 20,9%. Положительный ответ на второй вопрос в варианте «вполне согласен» дали 53,5%, в варианте «скорее согласен» 22,1%. Таким образом, почти треть опрошенных хотели бы работать не только для того, чтобы улучшить свое финансовое положение. Получается, можно отодвинуть на второй план «бухгалтерский» подход, если учесть благоприятный социальный и психологический эффект от такой формы трудовой занятости, как неполный рабочий день.

Характерная черта личности респондентов разных возрастов — недостаточно активная позиция в организации своей жизни. Видно, что и в потребностях, и в устремлениях, и в выбираемых средствах изменения своей жизни — везде значителен разрыв между мотивацией потребления (в широком понимании, включая желания обеспеченности, защищенности и т. д.) и мотивацией активного преобразования, изменения образа жизни. Выраженное желание иметь хорошее жилье, питание вполне понятно и естественно, но оно не уравновешено столь же настойчивым стремлением найти средства достижения этих благ и использовать их. Преобладает ожидание, что благополучие должен обеспечить кто-то другой. Вероятно, это проявление феномена «выученной беспомощности», т. е. приобретенного в ходе жизни и развития социальных установок и навыков перекладывания ответственности за свою жизнь на какие-то силы социального окружения.

Еще один важный аспект касается здоровья людей. Значение эффективного функционирования органов здравоохранения нельзя ставить под сомнение (о чем упоминают респонденты всех возрастов), но подъем его уровня не может быть решающим фактором в удовлетворенности населения своей жизнью. Основные усилия должны быть направлены на развитие ценностей и традиций здорового образа жизни, освоение соответствующих умений и навыков. Решение этой задачи вряд ли проще, чем расширение сферы медицинских услуг, увеличение их доступности, оснащение медицинских учреждений современным оборудованием. Речь должна идти об изменении менталитета различных слоев общества и традиций семейного воспитания, улучшении атмосферы в семьях и повышении психологической и психогигиенической компетентности людей, изменении отношения руководства предприятий и организаций к своим рабочим, служащим, учащимся. Никакое навязывание, запреты, администрирование не дадут желаемого эффекта. Итоги не столь давней (в историческом масштабе времени) кампании по борьбе с алкоголизмом показали всю бесперспективность такого революционного подхода к вековому укладу. В сознании общества и индивида, как и вообще в природе, не может быть пустоты. Устранить быстро

и просто («выдернуть») привычки и обычаи невозможно — нежелательные удаются лишь заменять, «вытеснять» старые, укоренять и упрочивать новые.

Такая работа может увенчаться успехом только при точном научном подходе, постоянном контроле динамики общественного и индивидуального сознания, последовательных изменениях в поведении, привычках, образе жизни семьи и личности. Эта масштабная деятельность требует привлечения сил и умений не только психологов, но и более широкого круга специалистов. Добавим, что неудовлетворенность общением (о чем свидетельствуют наши данные) может быть снижена усилиями того же плана — созданием новых форм поведения и взаимодействия в микросоциуме. Психологическая и организационная помощь населению в структурировании свободного времени, поиске собеседников и единомышленников, выборе форм общения может значительно ослабить у одиноких и пожилых людей остроту одиночества или избавиться от него. Такого рода помощь, следование целям гуманизма могут не только иметь социальный эффект, который порой трудно измерить, но и уменьшить число жалобщиков в различные властные инстанции, что вполне доступно оценке. За немалой долей претензий к чиновникам местных администраций, критикой органов местной и не только местной власти стоит неудовлетворенная и не осознанная самим субъектом потребность в общении и эмоциональный дискомфорт. Обращению за психологической помощью к специалисту по социальной работе, психологу, психотерапевту (вместо походов по кабинетам) мешает вредная иллюзия, что это удел людей слабых или психически нездоровых. Признать ограниченность собственных возможностей и полезность профессиональной помощи не позволяют низкий уровень психологической компетентности населения, а также искаженное представление о психологическом взаимодействии психолога или психотерапевта с клиентом.

Помощь в сохранении активности.

Активность как личностное качество и как характеристика жизнедеятельности в определенный интервал времени выступает стержневой чертой, определяющей успешность любого вида деятельности, поведения, преодоления тех или иных жизненных трудностей. Это положение обсуждалось бесчисленное множество раз психологами, психотерапевтами, философами и воспринимается сегодня как аксиоматичное. Дискурс о жизни пожилых людей преимущественно концентрируется вокруг вопросов их поддержки и помощи. При этом помощь не сводится только к одной форме — материальной. Например, М. Раудсепп [12] рассматривает следующие варианты:

- *эмоциональную поддержку* (личностное доверие, общение, выражение близости, эмпатии, понимание, недирективное общение);
- *информационную поддержку* (советы, анализ ситуации, обратная связь, информация, помогающая решать проблемы);
- *статусную поддержку* (выражение одобрения, уважения, поддержка самоуважения, признание индивидуальности);

- *инструментальную поддержку* (услуги, материальная и практическая помощь в достижении цели, решении проблем);

- *диффузную поддержку* (приятное совместное времяпрепровождение, рекреативная деятельность).

О. М. Горева, А. А. Савастына выделяет другие виды социальной поддержки: материально-экономическую, социально-бытовую, организационно-правовую, коммуникативно-психологическую, профессионально-трудовую [2]. Можно продолжать описывать классификации видов поддержки, предложенные разными исследователями, но вряд ли это стоит делать. Они имеют немалую степень сходства, различаются лишь числом пунктов и охватом сторон жизни. Для психологического анализа важно, что не забыта психологическая помощь и поддержка.

Заметим, что, несмотря на признание значимости психологической помощи и поддержки, сообщений в специальной литературе о заметных успехах в этой области крайне мало. Приходится делать нерадостный вывод о том, что обозначенная проблема не забыта, однако в своем решении продвигается весьма незначительно. Так или иначе, но различные виды помощи следуют благородной цели — повышению удовлетворенности жизнью у пожилых людей. Для ее достижения используются многие средства, весьма отличающиеся по объему актуализируемых ресурсов и их природе. Одни носят материальный и практический характер, другие психологический, предполагающий достаточную глубину межличностного взаимодействия и активизацию эмпатийного ресурса. Принципиально, что разные средства создания материального и эмоционального комфорта хотя и важны, но могут оказаться достаточными для меньшей части тех, кому они предназначены. Для большинства людей удовлетворенность жизнью (ощущение счастья, полноты жизни, радости бытия или другие схожие более красочные переживания, чем удовлетворенность) представляет собой часть отношения к жизни в целом, а не восприятие и оценку той или иной ее стороны. Если заострить эту мысль, то можно выразить ее несколько иначе: *удовлетворенность помощью не может заменить удовлетворенности жизнью.*

Благотворительная помощь не должна сводиться к одной лишь материальной, финансовой помощи. Другой аспект — этическая, социальная, личностная сторона благотворительности обсуждается столь же давно, сколько она существует. Многие известные философы (Конфуций, Г. В. Ф. Гегель, У. Джеймс, Дж. С. Милль, А. Смит), писатели (Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, К. С. Льюис), филантропы (Э. Карнеги, Дж. Форд), размышлявшие о проблемах благотворительности, приходили к выводу, что важнее ситуативной помощи (дать кров, одежду, еду) помочь человеку изменить свой образ мыслей, поведение, всю жизнь и обрести самостоятельность. Если этого не делать, то в будущем совершенно реально деградация личности и общества, в котором вместо справедливого устанавливается уравнилельное распределение, ведущее к расширению «выученной беспомощности»

все большего количества людей. У. Джеймс писал в свое время по этому поводу: «Вся новейшая рациональная организация благотворительности явилась следствием того, что раздача милостыни вела к слишком плохим результатам». Данное утверждение имеет прямое отношение и к состоянию дел с социальной и психологической помощью в современной России.

Обращаясь к социально-психологическим аспектам помощи пожилым, следует подчеркнуть целесообразность групповой работы. Наш опыт проведения групп личностного роста позволяет утверждать, что работа в таком формате (групповом) может оказаться наиболее эффективной в плане изменения образа жизни, усиления потенциала субъектности, развития активности в макросоциальном и микросоциальном окружении. В ходе этой работы весьма желательно соблюсти определенный баланс между устремленностью на саморазвитие и направленностью вовне — на своих сверстников, на изменение их отношения к жизненной ситуации, на преодоление пассивности, коррекцию экстернального локуса контроля. Ведущий такой группы не должен нацеливаться только на ее сплочение, в динамике группы не менее важен социальный вектор — забота о пожилых людях, пока еще не имеющих, кроме телевизора, других друзей и приятелей.

Выводы:

1. По своему социальному значению благотворительность представляет собой форму сглаживания несправедливости в распределении богатств, т.е. направлена на нивелирование социального неравенства. По значению для конкретного субъекта социальная и психологическая помощь и поддержка выполняют функцию жизненного смыслообразования и усиления полноты переживания включенности в общественные процессы.

2. Для решения этих задач должны быть использованы разнообразные формы как (посильной) трудовой активности, так и непрофессиональной активности социального значения.

3. Полученные данные свидетельствуют, что приоритетным направлением деятельности в социальной сфере должна быть разносторонняя работа, способствующая развитию социальной активности людей с разного рода ограниченными возможностями, включая возрастные причины. Субъективные переживания, самовосприятие и самоощущение — не только важнейшие характеристики состояния отдельного человека, но и групповых настроений, общественного сознания, общественных отношений. Без их учета невозможно выстроить научно обоснованную социальную политику, социальное управление, социальное планирование.

4. Наиболее трудная задача в плане *оказания развивающей помощи* — помощи в личностном развитии, в изменении мировосприятия, мышления и образа жизни — заключается в формировании мотивации к таким изменениям. Эта работа требует высокого уровня квалификации лиц помогающих профессий, развитой системы методологического и методического обеспечения.

1. Витохина А. А. Развитие социально-культурной активности лиц пожилого возраста в процессе досуговой и туристической деятельности // Материалы II Международной научно-практической конференции «Деятельность социально-культурных институтов в современной социокультурной ситуации: проблемы теории и практики». Прага: Научно-издательский центр «Социосфера», 2014. 188 с. С. 112–115.
2. Горева О. М. Социально-гуманитарное направление в научно-исследовательской деятельности вузов: значение и перспективы // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 9 (364). Философия. Социология. Культурология. Вып. 36. С. 155–158.
3. Исламова Г. Г. Информационное обеспечение пожилых в контексте их социальной поддержки // Российский электронный научный журнал. 2013. № 1. С. 227–233.
4. Коновалова Г. М. Ретроспективный анализ межпоколенных взаимодействий: становление и развитие социальной поддержки пожилых людей // Социальная политика и социология. 2013. № 2 (93). С. 339–350.
5. Логинова И. А. Отношение студенческой молодежи к участию в добровольчестве по социальной поддержке пожилых людей // Вестник Самарского государственного университета. 2013. № 8–2 (109). С. 243–247.
6. Логинова И. А., Гатен Ю. В. К вопросу о развитии социальной активности пожилых людей // Аспирантский вестник Поволжья. 2014. № 3–4. С. 86–91.
7. Макаренко Т. В. Исторический опыт взаимодействия социальных институтов в оказании помощи и поддержки пожилым людям // Социальная политика и социология. 2009. № 1 (43). С. 61–76.
8. Малинина О. И. Социальная активность и идентичность в пожилом возрасте // Психология зрелости и старения. 2011. № 4. С. 58–78.
9. Михайлова М. А. Сущность и специфика социокультурной активности пожилых людей // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2015. № 5 (100). С. 244–248.
10. Михель Д. В., Печенкин В. В., Щукина Н. П. Институт взаимопомощи в социальной поддержке пожилых людей // Журнал исследований социальной политики. 2004. Т. 2. № 4. С. 568–571.
11. Неваева Д. А. Социальная активность пожилых людей в современном регионе (по результатам социологического исследования) // Общество в эпоху перемен: современные тенденции развития: материалы междунар. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, проводимой в рамках II Междунар. форума студентов, аспирантов и молодых ученых «Управляем будущим!» / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Новосибирск, 2014. С. 159–160.
12. Раудсепп М. Субъект и поддерживающая среда // Средовое условие развития социальных общностей. Таллин: Таллинский педагог. ин-т им. Э. Вильде, 1989. С. 78–86.
13. Сулова Т. Ф. Социальная активность пожилых людей в сфере семейной деятельности // Социальная политика и социология. 2012. № 8. С. 49–55.
14. Щанина Е. В. Факторы социальной активности старшего поколения // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2009. № 2 (10). С. 57–67.

References

1. Vitokhina A. A. Razvitiye sotsialno-kulturnoy aktivnosti lits pozhilogo vozrasta v protsesse dosugovoy i turisticheckoy deyatel'nosti [Development of social and cultural activity of elderly in terms of leisure and tourism]. In: *Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Deyatel'nost sotsialno-kulturnykh institutov v sovremennoy situatsii: problemy teorii i praktiki», 22–23 aprelya 2014 goda* [Proc. of the 2nd International Research and Practical Conference «Activity of Welfare Institutes in a Modern Sociocultural Situation: Theory and Practice Problems», April 22–23, 2014]. Prague: Science Publishing Center «Sociosphere-CZ», 2014, pp. 112–115 (in Russian).
2. Goreva O. M. Sotsialno-gumanitarnoye napravleniye v nauchno-issledovatel'skoy deyatel'nosti vuzov: znacheniye i perspektivy [Social and humanitarian direction in research activities of universities: the importance and prospects]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2015, 9 (364), pp. 155–158 (in Russian).
3. Islamova G. G. Informatsionnoye obespecheniye pozhilykh v kontekste ikh sotsialnoy podderzhki [Information support of the elderly in the context of their social support]. *Rossiyskiy elektronnyy nauchnyy zhurnal — Russian Electronic Research Journal*, 2013, 1, pp. 227–233 (in Russian).
4. Konovalova G. M. Retrospektivnyy analiz mezhpokolennykh vzaimodeystviy: stanovleniye i razvitiye sotsialnoy podderzhki pozhilykh lyudey [Retrospective analysis of intergenerational interactions: the formation and development of social support for the elderly]. *Sotsialnaya politika i sotsiologiya — Social Policy and Sociology*, 2013, 2–2 (93), pp. 339–350 (in Russian).
5. Loginova I. A. Otnosheniye studencheskoy molodezhi k uchastiyu v dobrovolchestve po sotsialnoy podderzhke pozhilykh lyudey [Attitude of students' youth to the participation in volunteering on social support of elderly]. *Vestnik of Samara State University*, 2013, 8–2 (109), pp. 243–247 (in Russian).
6. Loginova I. A., Gaten Yu. V. K voprosu o razvitiy sotsialnoy aktivnosti pozhilykh lyudey [To the development of the social activity of the elderly people]. *Aspirantskiy vestnik Povolzhya — Postgraduate Herald of the Volga Region*, 2014, 3–4, pp. 86–91 (in Russian).
7. Makarenko T. V. Istoricheskiy opyt vzaimodeystviya sotsialnykh institutov v okazanii pomoshchi i podderzhki pozhilym lyudyam [Historical experience of interaction of social institutions in providing assistance and support to the elderly]. *Sotsialnaya politika i sotsiologiya — Social Policy and Sociology*, 2009, 1 (43), pp. 61–76 (in Russian).

8. Malinina O.I. Sotsialnaya aktivnost i identichnost v pozhilom vozraste [Social activity and identity in senior age]. *Psikhologiya zrelosti i stareniya — Psychology of Maturity and Aging*, 2011, 4, pp. 58–78 (in Russian).
9. Mikhaylova M.A. Sushchnost i spetsifika sotsiokulturnoy aktivnosti pozhilykh lyudey [Nature and specifics of socio-cultural activity of elderly people]. *Proceedings of Irkutsk State Technical University*, 2015, 5 (100), pp. 244–248 (in Russian).
10. Mikhel D.V., Pechenkin V.V., Shchukina N.P. Institut vzaimopomoshchi v sotsialnoy podderzhke pozhilykh lyudey [Institute for mutual assistance in social support of the elderly]. *The Journal of Social Policy Studies*, 2004, 4 (2), pp. 568–571 (in Russian).
11. Nevayeva D.A. Sotsialnaya aktivnost pozhilykh lyudey v sovremennom regione (po rezultatam sotsiologicheskogo issledovaniya) [Social activity of the elderly in the modern region (based on the results of a sociological study)]. In: *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh «Obshchestvo v epokhu peremen: sovremennyye tendentsii razvitiya»* [Proc. of the International Scientific Conference of Students, Postgraduate Students and Young Researchers «The Society in the Era of Change: Current Trends of Development»]. Novosibirsk: The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration Publ., 2014, pp. 159–160 (in Russian).
12. Raudsepp M. Subyekt i podderzhivayushchaya sreda [The subject and supporting environment]. In: *Sredovoye usloviye razvitiya sotsialnykh obshchnostey* [Condition for the development of social communities]. Tallinn: Tallinn Pedagogical Institute named after E. Vilde Publ., 1989, pp. 78–86 (in Russian).
13. Suslova T.F. Sotsialnaya aktivnost pozhilykh lyudey v sfere semeynoy deyatelnosti [Social activity of elderly people in the field of family activities]. *Sotsialnaya politika i sotsiologiya — Social Policy and Sociology*, 2012, 8, pp. 49–55 (in Russian).
14. Shchanina Ye.V. Faktory sotsialnoy aktivnosti starshego pokoleniya [Factors of senior citizens' social activity]. *University Proceedings. Volga Region. Social Sciences*, 2009, 2 (10), pp. 57–67 (in Russian).